

* * *

Тридцать сахалинских лет —
Будто не было и нет,
Тридцать сахалинских лет пролетели.
Тридцать сахалинских лет,
Проложив по жизни след,
Занесли бураны и метели.

Я по садику пройду,
Я найду свою звезду.
Путь укажет мне до Сахалина,
Пусть в раю или в аду
Иль куда там попаду
Меня встретит сахалинская рябина.

* * *

Не бросались мы грудью на дзоты,
И не рвали над Бугом мосты,
И еще целы наши роты,
Где приписаны я и ты.

Пусть не знаем команды мы «Воздух»,
Не жевали сухих галет.
Может, мы родились слишком поздно,
Ну, а может, вовсе и нет.

Может, завтра лихая година
Опрокинет привычный уклад
И нам выдадут пару ботинок,
Форму, скатку, планшет, автомат.

И приказ — «Продержаться и точка!»,
Значит замятво в землю там лечь.
Извини, моя милая дочка,
Что себя не смогу я сберечь.

Что нам в жизни всего дороже,
Тебе, может, еще не понять.
Это край наш родной и пригожий,
Это славная Родина-мать.

За нее, за тебя, миллионы
Дочерей, сыновей — за всех вас —
Ваши папы наденут погоны,
Что они получили в запас.

Не известны судьбы повороты,
Где засады, преграды, кусты.
И еще целы наши роты,
Где приписаны я и ты.

НА СМЕРТЬ В. ВЫСОЦКОГО

Не верьте, что я умер от вина,
Быть может, вовсе я еще не умер.
Единственное, в чем моя вина,
Что не успел сказать всего, что думал.

Можно землю забросать мой тленный труп,
Можно сказать: «Он ничего не стоил»,
Нельзя лишь только рты всем тем заткнуть,
Кто издавал от моих песен стоны.

Не нужно мне ни званий, ни наград,
Не нужны на могиле панихиды —
О чем мечтал, чему был в жизни рад,
Так это жизни наподобие корриды.

Руби-коли, сегодня твой черед,
А завтра, может быть, тебя низложат.
И вот я сочиняю наперед,
Что, может, обо мне позднее сложат.

Пусть не всегда морали я служил,
Пусть иногда трепал кому-то нервы.
Я, видно, этой доли заслужил —
Жить не последним. Умерев — стать первым.

* * *

Между мной и тобой пограничные полосы,
Между мной и тобой не один день пути.
Пред моими глазами твои чудные волосы
И печально глядящие глаза-васильки.

Далеко-далеко твой домишко приветливый,
Далеко-далеко, где-то в райском краю.
И уж кажется мне — не такой я приметливый,
Чтобы ты отыскала меня в том раю.

Но я все же вернусь через все расстояния,
Но я все же вернусь, будь я проклят навек.
Ты моя драгоценность, мое достояние,
Уж такой, извините, я в любви человек.

Тихо солнце встает над заснувшей рябиною,
Тихо солнце встает, разогнав грезы снов.
Мне лишь только тебя, подругу любимую,
Мне лишь только тебя увидеть бы вновь.

* * *

Я устал от мытарств по чужбине,
От родных и друзей вдалеке.
Хочу вывески не на латыни,
А на русском, родном языке.

Хочу просто картошку в мундирах,
Ту, что с запахом трав и лугов,
А не ту, что давали в трактирах
Незнакомых, чужих городов.

К черту вина их и сигареты –
Опротивело пить и курить.
К черту эти ночные гаштеты,
Где и не с кем-то поговорить.

Здесь, в дешевом мещанском хламе,
Слиток золота правит власть.
Только мне бы вернуться к маме
И к рукам ее нежным припасть.

* * *

А где-то тепло, где-то очень тепло,
Там люди не знают ни снега, ни ветра.
А мы здесь живем всем буранам назло
За тысячи долгих до вас километров.

Нас осени кроют нещадным дождем,
Зимой нас «ласкают» шальные норд-осты,
А мы вас так любим, так встреч с вами ждем,
И поднимаем за ваше здравие тосты.

И что нежилось нам под вашими синь-небесами?
И чем этот край приманил нас собой?
А вы прилетайте сюда и увидите сами,
И, может быть, не захотите вернуться домой.